

ЗОВ «ОТРЕЗАННЫХ КОРНЕЙ»

(СУДЬБА ЭМИГРАНТА)

С.В. ПРОЖОГИНАДоктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Марокко, Тахар Бенджеллун, роман «*Au pays*» («Домой»), арабские иммигранты во Франции

Рассказывать об очередном и значительном произведении марокканского писателя Тахара Бенджеллуна (р. 1944) всегда не только приятно (ведь речь идет о творчестве замечательного художника слова, лауреата Гонкуровской премии, крупнейшего представителя современной литературы и Востока, и Запада), но и важно. Он всегда затрагивает наболевшие вопросы жизни и своей страны, и Франции, где часто живет и работает; акцентирует внимание на острых проблемах политической, социальной и духовной реальности, которую уже невозможно представить без пересечения путей и судеб разных народов... Он не только отменный прозаик и поэт, начавший писать довольно рано (его сборник стихов «Люди под саваном молчания» и роман «Харруда» принесли ему мировую славу в 1970-е гг.).

Тахар Бенджеллун - крупный ученый, социопсихолог, руководил Центром по изучению проблем североафриканских иммигрантов в Париже, выпустил в свет в конце 70-х гг. острый памфлет «Французское гостеприимство» и в конце 90-х гг. книгу «Расизм, рассказанный моей дочери», которую власти Франции ввели в обязательный список литературы для школьников.

Его перу принадлежат сегодня уже несколько десятков романов, повестей, сборников рассказов, исследований (в т.ч. и искусствоведческих)¹. А его знаменитая книга «Священная ночь» (или

«Ночь судьбы»), получившая в 1987 г. самую престижную в Европе литературную премию, переведена и на русский язык (1999), как и его повесть-притча «Самое глубокое одиночество»^{*}.

Этому писателю подвластно многое: создав уже в 80-е - 90-е гг. и семейную сагу о драме разности поколений «отцов и детей», и любовные новеллы, и иронические повествования об «испытаниях дружбой», он в начале 2000-х гг. пишет мрачную, хотя и художественно безупречную картину политической реальности Марокко (роман «Это ослепляющее отсутствие света»), вызвавшую немалый шум в прессе. Тахар Бенджеллун выпускает и в последнее десятилетие одну за другой удивительно откровенные книги, где повествует не только о прошлом, о жизни его матери, но о боли души своих соотечественников, вынужденных либо «бежать» за пределы своей неопишуемой красоты страны, либо терпеть унижения своего человеческого достоинства - безработицей, бесперспективностью жизни, отсутствием цели... Но и там, куда они бегут, где гостеприимность оказалась «ледяной чужбиной», - и там на их долю, как свидетельствует писатель, выпадает не меньше горечи и отчаяния. Однако писатель всегда дает своим героям право на выбор. И всегда чутко слушает их печальные повести-исповеди о жизни. Он не учит, не наставляет,

не «указывает путь», разве что напоминает - всегда, во всех своих книгах, - что Правда, Истина Жизни и ее цели лежат в глубинах памяти народа, знавшего не только поражение, но и победы в своей долгой Истории.

О том, как мечтают эмигранты - добровольные или невольные изгнанники (вообще, «отплывшие» надолго или навсегда от родных берегов люди) о «*родной стороне*» - написано немало: ностальгия как реальное состояние человеческой души в «близкой» нам литературе существует со времен греческого поэта Овидия... Одно из последних творений марокканского писателя Тахара Бенджеллуна, роман «*Au pays*»², продолжило эту вечную тему. Однако произведение это интересно нам именно потому, что неожиданно обратило творчество художника к прямо противоположной проблеме, затронутой его предшествующим романом «*Partir*» («Уехать!»), вышедшим в 2006 г. и в общем-то как всегда беспощадно и смело раскрывшим «наболевшие раны» современного Марокко, одной из которых является массовая эмиграция на Запад (в настоящее время - в Испанию).

Герои «*Partir!*» действительно стремились во что бы то ни стало уехать, бежать без оглядки, без паспорта, как угодно - в трюме ли корабля, в грузовом его отсеке, привязавшись к днищу грузовика, чтобы как-то миновать таможенный контроль, или же на лодке, или даже вплавь, на плоту,

^{*} Подробнее см.: Прожогина С.В. Иммигрантские истории. М., ИВ РАН, 2002.

или, достав всеми правдами и неправдами вожделенный документ и билет, улететь навсегда, не думая ни о родине, ни о прошлом, ни о чем и ни о ком, лишь бы «Уехать!», а там - хоть безработица, хоть бордель, хоть рабство (в любой его форме!), - лишь бы не жить той жизнью, которая заволокла настоящее туманом безысходности и тоски по чему-то «лучшему»...

Здесь, в романе «Домой!» - всё наоборот. Точнее, этот «Partir!», отъезд на чужбину, уже случился с героем сорок лет назад, когда он был двадцатилетним, здоровым и сильным, но без работы, без куска хлеба, жил в бедной горной глухой деревушке где-то в самом сердце Марокко, куда и приезжали в те далекие уже 60-е гг. всякие проходимцы вербовать молодежь для работы во Франции, нуждавшейся, как и всегда, в дешевой рабочей силе. А после обретения независимости в 1956 г. в Марокко безработных было, как, впрочем, и сегодня, полным-полно...

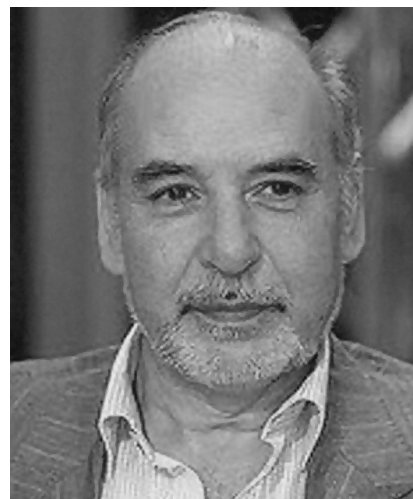
LA RETRAITE. ВРЕМЯ ОГЛЯНУТЬСЯ

Герою романа, Мохаммеду, повезло. Он стал работать на известном автомобильном заводе «Рено» (где были сильны профсоюзы и где платили «прилично») на конвейере, где и простоял он, примерный и покорный труженик, все долгие четыре десятилетия, хотя и пронеслись они, как сон, как одна долгая ночь, а когда он очнулся - пришло время выхода на пенсию: «*la retraite*» - слово, которое и произнести-то трудно, не то, что пережить внезапно обрушенный его тяжестью удар, а может быть, даже и выстрел. В самую душу: без работы, без ее уже привычного ритма, определившего и ритм самой его жизни во Франции, он просто ощутил себя *человеком потерянным*...

Мохаммед, конечно, давно уже пользовался собственной небольшой машиной (купленной на заводе, в кредит, по себестоимости, - как полагалось его рабочим),

и была у него квартирка, хоть и на окраине, но вмещавшая когда-то его большую семью, и там - даже собственная их с женой спальня. И привык он уже к своему городскому быту, показавшемуся когда-то приехавшей к нему из деревни, с родины, жене - «раем» (ведь и электричество было здесь, и вода из крана лилась вволю, и даже лифт...), и товарищи были у него на заводе, хоть и особо он и не любил «водить компании» (не пил, не курил и, боже упаси, никогда не изменял супруге, которую ему, естественно, как полагаются, подобрали в ранней молодости родители), и почти ежегодно в отпуск, обычно летом, уезжал в родную деревню, когда еще дети его учились в школе, со всей семьей³...

И вдруг - резкая остановка на этом уже сложившемся маршруте человека, когда-то заброшенного на край света и почти уже осевшего здесь, во Франции, хотя и не ощущавшего себя никогда «*французом*», в отличие от многих своих «укоренившихся» соотечественников и их, да и своих детей, уже родившихся здесь и выросших, и имевших свои «законные права» называться «*гражданами Франции*», а еще проще - «*французами*»... (Хотя, конечно, сами французы - «коренные», вряд ли будут когда-нибудь почитать их таковыми: этническая принадлежность иммигрантов и во втором, и даже в третьем поколении, и даже у их детей-метисов от «смешанных браков» (что здесь не редкость), как говорится, «налицо»...) Но как ни называй себя, как ни утверждай нынешнее французское «разнообразие» (*diversité*, как говорят социологи), хотя и говорят все здесь между собой на одном, французском, языке, и часто даже дети магрибинцев - без акцента, но и отчуждение, и «дистанция» в отношениях с «мусульманскими (особо) иммигрантами» (несмотря на всю современную «политкорректность») дают о себе знать. И особенно тогда, когда накапливается груз социальных проблем, молодежь «из иммигрантской

Тахар Бенджеллун

среды» выходит на улицу и выплескивает свой гнев, внезапно ощутив и свое изгойство, и маргинальность, и неравноправие...

...Мохаммед никогда не забывал, что он - марокканец. И не потому что ему об этом «напоминали». (О том, как это происходит во Франции, - и писателями-магрибинцами - марокканцами, и алжирцами, и тунисцами - написано немало художественных свидетельствований⁴.) Хотя, справедливости ради, надо заметить, что сегодня магрибинцы уже немало пишут и о том, как они постепенно интегрируются во французское общество и даже гордятся своей «особостью», - ощущая в себе сразу обе «культурные ветви», называя себя всерьез «французскими арабами». Нет, Мохаммед не возмущался, но и не задумывался о приобретаемом во Франции «культурном багаже». И никаких «метаморфоз идентичности» с ним не приключилось. Он твердо знал, что он - прежде всего - мусульманин, марокканец, знал и хорошо помнил свои корни, хранил свои обычаи, любил и берег, сколько мог, свою семью и мечтал только об одном: чтобы его семья, его дети, его внуки были едины с ним в его вере, в его *способе почитания Законов жизни, завещанных его предками*.

Но семья потихоньку распадалась: дети вырастали, уходили из

дому или готовились уже к новой жизни, сделав собственный выбор. А они с женой потихоньку состарились, но так и не превратились за сорок лет «во французов», а потому понять, что дети их живут уже в абсолютно другом жизненном пространстве и времени, им было не дано.

...И вот теперь, стоя на коленях на молитвенном коврике и повернув лицо свое в сторону Мекки, Мохаммед молился своему Богу и вспоминал свою жизнь, и размышлял о том, что будет с ним и с его семьей, и как он станет дальше жить на земле, когда наступил вдруг этот несчастный момент Времени, называемый «*La Retraite*».

«...Что же теперь делать? - размышлял он. - Пора очнуться. С заводом всё кончено. Я больше не гоюсь для работы на конвейере... Если останусь, то буду единственным в истории этого предприятия стариком-рабочим, который не пожелал уйти на пенсию. Таких еще здесь не видели. Один профсоюзный деятель уже поздравил его, сказав, что «теперь Мохаммед может делать всё, что ему захочется, располагать своим временем самостоятельно...»* Мохаммед ответил ему с улыбкой, что да, действительно, он будет теперь, наконец-то, счастлив, проводить больше времени со своими детьми, а то и не заметил даже, как они выросли... И твердо решил, что сейчас, выйдя на пенсию, уедет на первое время, хотя бы на несколько месяцев, в родное Марокко, в свою деревню...

Но не для того, чтобы разъединиться со своими домашними или оставить свою семью, боже упаси. Это было бы дьявольским каким-то решением. И в его племени люди никогда так не поступали. Не бросали ни своих жен, ни своих детей. Да он и сам за всю свою жизнь никогда и не смотрел на других женщин. И опускал стыдливо глаза, когда кто-то заводил речь о его супруге... И на дочерей-то своих едва

поглядывал, но никогда не осмеливался говорить им «всякие там нежности»...

По дороге домой встретил старого приятеля. Тот сразу закричал: «Вот здорово-то, что ты вышел на пенсию! Теперь ты свободен! Не работаешь! Разве это не прекрасно? Здесь, во Франции, тебе хоть сдохнуть не дадут, как там, в твоей деревне, откуда ты родом! Поместят в больницу, в случае чего. Ты это заработал. Всё прекрасно. И расизма здесь больше нет. И в больнице будут тебя лечить, как и других. Бесплатно причем. Надо отдать Франции должное: всё здесь в порядке, разве что Ле Пэн**... Ну, да черт с ним! Давай отметим, выпьем по стаканчику лимонада!...»

...Мохаммед тогда пошел дальше, хотел именно пешком, не сядя в автобус, добраться до дома, поразмышлять, немного успокоиться. Шел, опустив глаза, словно врачи ему это повелели. Руки держал в карманах, сжав в кулаки. Думал о детях, и вдруг почувствовал, что потерял их окончательно. Был почти уверен даже. Но он еще попытается вернуть их к себе. В отчий дом. И только спустя несколько лет, в полном одиночестве, он вдруг очнется. И у него возникнет ощущение, что он упал в какую-то бездну, или стоит, шатаясь, над пропастью, словно тяжелый мешок с цементом. Или набитый всякой ненужной никому рухлядью... И что в этом мешке уже давно лежитдохлая крыса и нестерпимо воняет... Он даже представил себе, как его выбрасывают на свалку вместе с другими отбросами, металлоломом, камнями, как всё это превращается в пыль, в забвение... Внезапно почувствовал, что больше *не существует*. Что никто больше не думает о нем, не нуждается в его присутствии, никому он больше вообще не нужен. Всему конец. Он уже на краю пути, этой долгой своей дороги жизни. И никто из его старших детей не

приедет к нему никогда, не будет рядом с ним, чтобы проводить его в последний его путь...

«ОТРЕЗАННЫЕ КОРНИ»

...Его сын Мурад работал в каком-то супермаркете. Женился на испанке Марии, как и он, родившейся во Франции. Родители ее вернулись к себе, в Севилью... У Мурада, человека атлетического телосложения, могла бы сложиться карьера футболиста, но было слабое сердце. И он окончил бухгалтерские курсы, хотя спортом понемногу занимался. Но главным его желанием было выбраться из своего иммигрантского предместья, жить в большом городе, в Париже, и не иметь ничего общего с прежней своей средой. С первого заработка выделил родителям немного денег. Отец поблагодарил его, сказав, что отложит их на «*строительство дома*». «Какого еще такого дома?» - удивился сын. Но Мохаммед тогда ему ничего не ответил, не рассказал о своих далеких планах.

...С тех пор, как Мурад женился, он больше не ездил с родителями на каникулы в деревню к отцу, в Марокко. Предпочитал отдыхать с женой у новых родственников в Испании. И всё спрашивал себя, отчего же испанцы живут лучше, чем марокканцы?.. Жена, правда, как-то сказала ему, что «всё дело в религии», и ислам всему виною...

Это весьма удивило Мурада, и он вспылал даже, словно был имам какой-то, хотя мусульманских обычаев сам не соблюдал никогда... Но сказал Марии, что «ислам сам по себе не может быть источником отсталости народа». Мария уточнила: «Любая религия противится общественной эволюции и модернизации».

Джамия, дочь Мохаммеда, вопреки воле родителей, вышла замуж за итальянца. И Мохаммед больше не виделся с ней. Хотя ему и было очень больно. «Как это вдруг какой-то немусульманин войдет в их семью?» Это было запрещено исламской религи-

* Здесь и далее перевод *Прожогой С.В.* по: *Tahar Ben Jelloun. Au pays. P., 2009.*

** Лидер праворадикальной партии «Национальный фронт», резко настроенный против интеграции иммигрантов (*прим. авт.*).

ей, и дочь стала ему *чужой*. Пона-
чалу еще он пытался ее урезон-
ить, но Джамиля устраивала
громкие скандалы, потому что
была безумно влюблена и вообще
отказывалась всё это обсуждать.
А Мохаммед не мог выносить ни-
каких ссор.

«Это моя жизнь, а не твоя! -
кричала ему дочь. - И ты не мо-
жешь мне помешать только пото-
му, что мы - мусульмане! И вооб-
ще, что это за религия, которая
сыну позволяет жениться на хри-
стианке или иудейке, а дочери за-
прещает то же самое? Нет уж, па-
почка, мерси, и вообще, очнись и
подумай: моя жизнь - это моя
жизнь, и я сама разберусь, что
мне нужно, а что нет. Лучше бы
тебе полечиться, лечь в больницу,
ты ведь давно болеешь... надо по-
заботиться о себе!»

Он опускал голову и уходил
со слезами на глазах. Жена его
пыталась успокоить, как могла,
говоря, что дочь долго не выдер-
жит и быстренько вернется до-
мой. А он все твердил, несколько
озадаченный: «А что это значит
«быть влюбленной»? Разве ты
или я, - обращался он к жене, - мы
были когда-то влюбленными? Да
я просто не знаю, что это всё зна-
чит. Всё кончено, ее больше нет
для семьи!.. Я не хочу ее знать!
Он или мы! Он или я, ее отец! Я
вычеркну ее из своих докумен-
тов!»

И Джамиля покинула роди-
тельский дом. И больше никто в
семье не произносил ее имя. И
Мохаммед не мог забыть о нане-
сенной ему ране.

Два других его сына сами бро-
сили школу и отправились рабо-
тать подальше в провинцию. Те-
перь в семье остались только
младшие дети - Рекийя и Набиль.
И впервые Мохаммед понял, что
с ним никто даже и не посовето-
вался, как устроить свою жизнь.
Сыновья сами всё решили. Один
стал механиком в гараже, другой
работал в кондитерской у своего
дяди. Один - на севере, другой -
на юге Франции. Квартира те-
перь стала казаться слишком
большой, - семья словно рассыпа-
лась.

Но он все еще мечтал собрать
всех воедино и устроить большой
праздник, хотя и был уверен, что
никто из уехавших детей не дви-
нется со своего места. Тогда он
решил, что известит их о том, что
тяжело болен. Это был выход. И
может быть тогда они придут по-
прощаться с ним в больницу... Но
Мохаммед был человек с пред-
рассудками, а потому боялся гнев-
ить бога и играть со смертью.
«На всё воля божья». И вся его
отеческая любовь теперь обрати-
лась к Рекийе, хотя у той не было
ни времени, ни особого желания
его утешать. Она все время при-
лежно занималась и хорошо учи-
лась. И Мохаммед сказал себе:
«По меньшей мере, хоть она нор-
мально закончит школу и дальше
продолжит свое образование в
институте. Выучится на доктора
для животных и приедет к нему в
деревню помогать по хозяйству».

Он все еще не мог представить
себе и смириться с тем, что жизнь
его детей ему уже больше не при-
надлежит, ускользает от него. Но
хотя он и помнил гневный окрик
взбунтовавшейся Джамили («Ты
что? Совсем больной? Так ле-
чись!»), однако не понимал, что
любить своих детей, хотеть быть
и ими любимым, быть близким
им человеком, жить рядом с ни-
ми, - это и есть его *болезнь*, и что
от нее и надо ему лечиться...

«Мне «надо лечиться»! Навер-
ное, я и в самом деле очень болен.
И какой уж там у меня теперь ав-
торитет! Я и раньше-то никогда
не заставлял моих детей меня бо-
яться. Просто надеялся, что они и
сами не наделают глупостей. Они
вели себя нормально, не хулига-
нили на улицах, не поджигали ав-
томобили, не били стекла, ничего
не ломали...» И когда их имми-
грантская окраина приходила, как
и другие, в волнение, и в городе
начинались беспорядки, его дети
вроде бы и не одобряли поступки
своих друзей и товарищей... «Им
всегда хотелось быть примерны-
ми, - думал Мохаммед, - и они ни-
когда не склонялись к насилию и
не участвовали в организации ха-
оса...»

Утешить его подошел Набиль,

его приемный сын, ребенок, тяже-
ло больной с рождения, даун.
Взял за руку, положил его ладонь
в свою и поцеловал. Они посмот-
рели друг на друга с пониманием.
Потом пошли в кафе за мороже-
ным. А вечером, не обмолвив-
шись с Набилем ни единым сло-
вом, Мохаммед крепко прижал
мальчика к себе и заплакал. Когда
пришла из школы Рекийя, он по-
целовал ее, собрал свой чемодан и
сказал жене, что уезжает к себе,
«*au pays*», в свою деревню, в Ма-
рокко, чтобы «немного отдох-
нуть»... «Ты потом приедешь ко
мне вместе с ними, когда начнут-
ся школьные каникулы».

К СЕБЕ

Мохаммед сел на поезд: его
машину, как и у других, сожгли
молодые бунтари еще во время
осенних беспорядков. И хотя их
округ не числился среди самых
«неблагонадежных», тем не ме-
нее, молодежь из иммигрантской
среды была солидарна с теми,
чьих товарищей полицейские,
преследуя за «хулиганство», за-
гнали в кабину высоковольтной
передачи, где ребята и сгорели...
Вот молодежь повсюду на окраи-
нах устроила свой пожар, и тогда
горели машины все, без разбора.
Надо же было как-то выразить
свое возмущение...

Но Мохаммед был недоволен,
- ведь свой маленький «Рено» он
купил сам, хотя и со скидкой, в
кредит, поскольку работал на
этом заводе, но деньги эти были
для него большими. Он вообще
считал, что все молодые люди -
плохо воспитанные, не понимаю-
щие, где свои, а где чужие, не зна-
ющие «своих корней», неприка-
янные, не желающие прилежно
учиться, не слушающиеся роди-
телей, не понимающие, что у та-
ких, как он, Мохаммед, машину
было жечь нельзя, - ведь она мо-
гла пригодиться ему летом, когда
всю семью надо было везти на ка-
никулы через всю страну, к морю,
а там - на пароме или в трюме па-
рохода - до берегов Марокко...

* Реальные события 2006 г. (прим. авт.)

Он и страховку даже не получил, «не полагалось», ибо «беспорядки на улицах, организованные хулиганами», не входили в ряд «страховых случаев»... «Это всё из ваших, из иммигрантов, зачинщики. Вот с ними сами и разбирайтесь», - сказали ему. - Подождите, пока они утихомируются, а потом еще купите себе новую машину... Хотя, знаете, новенькие авто они особенно любят поджигать»...

Мохаммед тогда вышел из страхового агентства подавленным, удрученным. Он задавал себе вопрос, почему это государство не хочет платить бедным людям - жертвам всех этих беспорядков? Оглянувшись вокруг: припаркованных машин нигде не было видно - люди стали осторожнее. А он и вообразить не мог, что подростки и юноши, которых он встречал ежедневно в лифте своего дома, могли устраивать поджоги на улицах города только потому, что *им нечего было делать*, просто так, «от скуки», просто потому, что хотели досадить Франции за свою невостребованность. «Но я-то, - думал Мохаммед, - я ведь не Франция, я обычный отец семейства, простой человек, который вот теперь вынужден пешком идти домой. А мне ведь еще предстоит в будущем долгий путь. Надо будет добраться как-то до родной деревни, а это далеко, за морем... И вообще, я ничего плохого этим молодым людям не сделал, никогда не кричал на ребятишек, бегающих на улице...»

Теперь ему предстояло ехать до побережья на поезде, потом по морю на пароме, а там пересесть на автобус, потом взять такси и уж только после всего этого оказаться в своей деревне. Или надо дожидаться четверга и ехать прямым автобусом из французского Жанневилье в марокканский Агадир. Через две страны и по морю, на пароходе. Но вот беда, в прошлом году шофер такого автобуса заснул за рулем. Результат: двадцать человек погибло. А сколько раненых!.. Нет. К автобусному маршруту у Мохаммеда не было доверия: «Пусть мне будет хуже:

поеду дольше, но поездом. Может быть, удастся заснуть... Отдохну...»

Первый раз за всю свою иммигрантскую жизнь Мохаммед не поедет до побережья на своей машине. Купил железнодорожный билет. Он не торопился.

Выход на пенсию [он называл это по-французски одним неправильно произносимым словом «летрэт» (от *la retraite*)] означал для него время, в которое предстояло суметь заняться своим планом. Реализовать его. Он проворочался всю ночь в постели перед отъездом, думая только о том, что будет делать на родине. Конечно же, там он сумеет объединить всех своих детей, «*восстановить семейное единство* как некую целостность. Объединить всех вокруг себя. Он уже готов был проклинать «госпожу Францию», пригrevшую его на сорок лет, но отнявшую у него детей... Забыл даже про свою сгоревшую машину. Но потом счел более благоразумным помолиться Аллаху и попросить, «чтобы Тот привел всё в норму». Это означало *возвращение детей*, пусть даже женатых и замужних, но в отчий Дом. Ну хотя бы пусть навещают они его почаще... Может быть, совершат даже когда-нибудь вместе с ним паломничество в Мекку. Почему бы и нет? Покружились бы все вокруг Каабы и помолились... Разве это безумие с его стороны - мечтать о таком? Вовсе нет. Просто исполнили бы все вместе свой *мусульманский долг*... Здесь, во Франции, - не *их земля*. И на ней им надо было думать не о своем священном долге, а о чем-то другом, попроще, о том, что легче реализовать: открыть свою кондитерскую, например...

Лучше бы его сын задумался над тем, как осуществить путешествие в Марокко, пересечь эту страну с севера на юг, посмотреть на землю своих предков. Ведь ездят же туда французские туристы целыми семьями? И ничего, довольны... Страна ведь такая разнообразная, такая красивая. Есть чем насладиться и заняться. Да Мохаммед и сам никогда не ездил

по родной земле просто из любопытства. Каждый год много лет подряд с 15 июля по 28 августа совершал одно и то же: машина, пароход, потом долгая и пыльная дорога до деревни, и всё. «Это было его судьбой», - так думал он. И никогда не задавал себе лишних вопросов и не строил никаких других планов. Со всей семьей (когда дети были маленькие) собирался и ехал. К себе.

(Окончание следует)

¹ Библиография произведений Тахара Бенджеллуна и исследование его творчества 1960-х - 2000-х гг. см. в работах *Прохожина С.В.*: Магриб, Франкоязычные писатели 60-70-х гг. (М., 1980); Для берегов Отчизны дальней... (М., 1992); Между Мистралем и Сирокко (М., 1998); От Сахары до Сены (М., 2001); Иммигрантские истории (М., ИВ РАН, 2002); Женский портрет на фоне Востока и Запада (М., 2006); Магрибинский роман (М., 2007); Вошедшие в храм Свободы (М., 2008), и др.

² *Tahar Ben Jelloun. Au pays. P., 2009* (Название в слове «pays» сохраняет смысл «малой родины», точнее даже - «деревни», что по-русски ближе всего к «На родной стороне»; но можно, в противоположность названию предыдущего романа писателя «Уехать!», перевести название этого романа и как «Домой!»).

³ Надо отметить, что эта «картина жизни» североафриканского иммигранта не приукрашена писателем: за прошедшие полвека представленные, к примеру, в романе марокканца Д.Шрайби «Козлы» (1956) ужасающие условия существования рабочих - магрибинцев-эмигрантов во Франции, конечно, немало изменились. Приличные социальные пособия, помощь по найму квартир, политика «интеграции» в отношении иммигрантов, хоть и постоянно «буксующая», тем не менее, оказали свое воздействие на жизненный уровень «иностраннных рабочих», хотя и не уничтожили многих социальных и психологических проблем иммигрантов, чье культурное и правовое различие в недрах республиканского устройства Франции как Государства-Нации очевидно и вызывает порой массовые волнения и протесты (см. подробно: *Прохожина С.В.* Восток на Западе (М., 2003); Вошедшие в храм Свободы (М., 2008), и мн. др.)

⁴ О них см.: *Прохожина С.В.* От Сахары до Сены. М., 2001; Вошедшие в храм Свободы. М., 2008, и др.